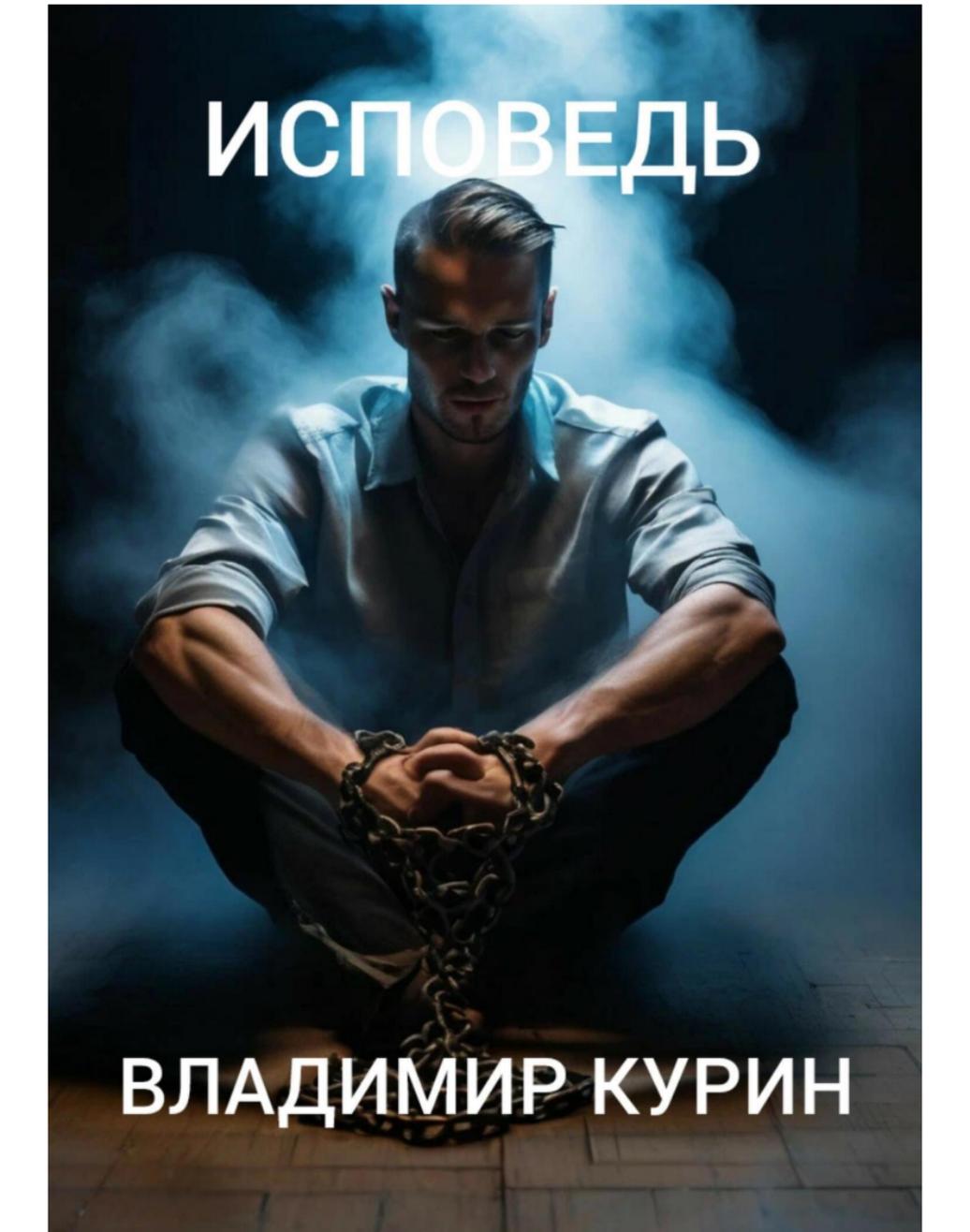

ИСПОВЕДЬ

A man with short dark hair, wearing a light blue button-down shirt, is crouching in a dark, smoky environment. His hands are bound together with thick metal chains, and the chains hang down to the floor. The lighting is dramatic, with a strong blue glow from above, creating a somber and intense atmosphere. The man's expression is serious and contemplative.

ВЛАДИМИР КУРИН

Владимир Сергеевич Курин

Исповедь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70615165

SelfPub; 2024

Аннотация

Сергей приходит в себя в неизвестном месте. Что-то страшное и жуткое находится рядом, и оно требует исповеди.

Владимир Курин

Исповедь

Он просыпается от противного ощущения. С трудом разлепляет глаза. Смотрит на зеленое табло часов на журнальном столике. 1:27 ночи. Осторожно шевелит головой. Противное ощущение – не сон. В ухе на самом деле шуршит вода. Как она туда попала? Он искупался в девять вечера, все было нормально, никакой воды в ушах не было. Привстанет, опершись руками на постель. Наклоняет голову вправо, трясет. Вода не вытекает, только шуршит еще громче и противнее. Он стискивает зубы. Вставать не хочется. Но, кажется, другого варианта избавиться от неудобства нет. Он опускает ногу на пол и ...

Просыпается по-настоящему. Слава Богу, это был сон, думает он. Легонько шевелит головой из стороны в сторону. Никакого шуршания. Его наполняет чувство облегчения, что не придется вставать, топтать в прихожую, искать ватные палочки, боясь разбудить Оксану и Игорька. Он успокаивается, пытается повернуться набок, но не выходит. Руки затекли от неудобного положения и теперь совсем не слушаются. Или слушаются, но он их не ощущает. Снова пытается повернуться, но выходят только бесполезные дерганья телом. Он остается лежать на спине. На спине? Лежать? Он чувствует опору под спиной, ягодицами, под ногами. Холод-

ную и твердую опору. Не похожую на домашнюю постель. Наконец он открывает глаза. В комнате нет привычного зеленого свечения от часов. Может электричество отключили? Такое иногда бывает, что-то сломалось на подстанции или где-то оборвало провода. В этот же момент он отказывается от этой мысли. Слишком холодно и сыро для спальни. Или это последствия кошмара, приснившегося ему. Он вспотел, а ночной ветер пробрался в приоткрытое окно и гуляет по комнате. Отсюда и холод, и сырость. Наверняка, так и есть, успокаивает себя Сергей. Он снова пытается повернуться и опустить руки. На этот раз немного получается. Но его движения подхватывает звон. Нет, не в ушах. Настоящий звон, металлический. Сергей дергает одной рукой, затем другой, и понимает – он прикован. Посажен на цепь, словно пес.

Он хочет выругаться, но из горла вырывается лишь сухой хрип, тут же промчавшийся эхом по темноте.

– Я думал ты минуешь нашу встречу и отправишься напрямиком к Всевышнему. – произносит раскатистый голос из темноты, откуда-то слева от Сергея.

Сергей снова лишь хрипит.

Послышался легкий шорох и в следующее мгновение в его грудь с хрустом что-то режется. Что-то похожее на пластик. Сергей дергается от испуга. Снова хрипит вместо вскрика. Звякают цепи.

Вверху что-то загрохотало. Этот звук похож на опускающийся на корабле якорь. Руки беспомощно опускаются на

пол. Их тут же наполняет колючая боль, которая замирает в кистях. Сергей стонет от боли. Пальцы рук словно вздулись, как шарики. Кажется, они кровоточат. Проходит некоторое время, прежде чем руки более-менее становятся осязаемыми. Сергей медленно шарит руками вокруг. Находит пластиковое, то, что ударило в грудь. Холодное, покрытое влагой. Вода? Откручивает крышку и подносит к губам бутылку. Вода. С жадностью делает несколько глотков. Дыхание спирает. Осушив бутылку, громко дышит. Прокашливается.

– Где я? – осипшим голосом спрашивает он.

– Я бы сказал, что в аду, но ад тебе показался бы раем по сравнению с тем, где ты. – голос будто механический, теперь звучит справа.

– Что происходит?

– Торжествует справедливость. – голос звучит совсем рядом с левым ухом. Сергей содрогается и резко отодвигается в противоположную сторону.

– Ты кто?

– Гарантия твоей мучительной смерти!

– Послушай, это какая-то ошибка! Или это чей-то тупой розыгрыш?

В помещении повисает тишина. Вкупе с крошечной темнотой она давит на нутро и сознание Сергея. Он закрывает глаза, с усилием сжимает веки, затем открывает. Ничего не изменилось. Тьма не рассеялась, нигде не прорезался хоть незначительный луч света. А открыл ли он глаза на самом

деле? Или это только ощущение? Мышечная память, иллюзия действия. А есть ли у него вообще глаза? Может он уже мертв? Или еще не рожден? Принадлежит ли голос, звучащий с разных сторон, человеку? Или это голос... чей? Мысли носятся в мозгу, сталкиваясь и перемешиваясь друг с другом, истощают и без того ослабший организм.

– Что за чертовщина здесь происходит? – выдавливает из себя Сергей.

Вряд ли он хочет услышать ответ. Говорит это только чтобы разрушилась нависшая неподъемным грузом тишина. Он не хочет слышать ответ, не хочет слышать этот ужасный голос, в нем живет всего одно желание – чтобы этот кошмар закончился, и он проснулся в своей постели рядом с Оксаной.

Он ждет. Ждет, когда сознание встрепенется, когда мозг подаст импульс и он откроет глаза по-настоящему, и увидит зеленый отсвет от часов, и услышит спокойное дыхание жены.

Но вместо этого он слышит голос из темноты:

– Я хочу, чтобы ты раскаялся!

Сергея одновременно начинают терзать страх и неизвестность, безысходность и гнев. Он сжимает руки в кулаки и протягивает руки вперед. Цепи натягиваются и оковы на запястьях вжимаются в плоть.

– Я хочу, чтобы ты признался!

Сергей дергает руками, но кроме звона и вспышек боли больше ничего не происходит.

– В чем раскаяться, в чем признаться!?! – выкрикивает Сергей в темноту и делает рывок руками вперед. Снова боль в запястьях. Он опускает руки и ощущает, как между пальцев, сжатых в кулак, просачивается теплая жидкость, а запястья под браслетами холодного металла горят болью.

– В том, что ты убийца!

– Что за бред!?!

Сергей снова дергает руками изо всех сил. Но сталь крепче. На нее не повлиять эмоциями, криками, злостью и силой. У нее задача – держать Сергея на привязи, и она превосходно с ней справляется.

– Иди к черту! – кричит Сергей и опускает обессиленные руки.

Мысли в голове путаются, он перебирает их, одну за другой, но не находит ничего из того бреда, в чем его обвиняет сумасшедший, спрятавшийся в темноте. Сергей перекапывает прошлое, словно садовый участок, но все усилия тщетны.

– Я никого не убивал, придурок, ты меня с кем-то путаешь! – Сергей не кричит, но рычит, стиснув зубы.

– Ты настолько грешен, что не отличаешь жизнь от зла, которое ты делал и продолжаешь делать.

– Что за бред!?! Святоша, похитивший человека, да ты кто такой вообще, чтобы учить меня жизни!?! Кто ты такой!?!

Ответа Сергей не ждет. Ответа и нет. Только раскатистый смешок, подобный рвущимся небесам, разносится по помещению. Сергея бросает в дрожь от этого звука. Он зажмури-

вается. Резко мотает головой и снова открывает глаза.

Темнота. Боль в запястьях. Оковы.

Сергея окутывает ледяными объятиями страх, пробирается через поры тела и сжимает внутренности. Но кроме этого Сергея одолевает злость из-за того, что кто-то с ним говорит и этот кто-то прячется в темноте. Сергей терпеть не может, когда с ним «играют» в закрытую. Прячется в темноте, от взгляда того, кому что-то предьявляешь – более, чем низкий поступок. Это как пускать сплетни за спиной. Злость Сергея берет верх над его же страхом.

– Может включишь свет и покажешься!? Или ты настолько слабак, что только издалека и из темноты можешь что-то говорить!?

Снова смешок.

– Убьешь меня? – спрашивает Сергей, строя гримасу не то страха, не то гнева, или все вместе.

И тут более-менее привыкший к темноте взгляд замечает движение в темноте.

Нет. Не в темноте.

Темноты.

Прямо перед Сергеем формируется силуэт из тьмы. Еще более густой, чем вокруг. Сергей, не отводя взгляда, смотрит на образующийся черный градиент на черном фоне. По бокам от силуэта показались небольшие просветы, едва отличимые от общей массы мрака. У силуэта нет ни формы, ни даже намеков на ее очертания. Темнота, будто ожила. За-

дышала.

– Ты сам убьешь себя, – прошипел голос.

И в темноте, гораздо выше Сергея, появились две блестящие точки.

Сергей замер. Теперь все мысли о гневе и ярости в адрес незнакомца улетучились из его головы, как прах из открытой емкости в порывах ветра. Остался только страх.

Сергей хочет сказать, но сам не знает что; броситься в оправдания, но в чем оправдаться, молить о пощаде, клясться, что больше никогда не сделает никому плохого, но кому он делал прежде. Не знает. Наскоро начинает перебирать всех, кого когда-либо видел, с кем когда-либо был знаком, кому мог навредить. В памяти всплывают лица, сотни лиц, чьих имен он не знает или не помнит. Но нет никого, кого он убил. Никого не убивал, это ясно, как белый день. Он чист, как горный ручей, омытый семью камнями. На нем нет смертного греха. Он хочет все это сказать, но глотка не издает ни звука, словно опалена раскаленным песком. Глаза становятся влажными. Хоть бы слеза скатилась вниз, к губам, смочила и охладила пересохшее горло. И слеза покатила по щеке. Сергей чувствует, как прохладная капля спускается все ниже к губам, спотыкается о щетину, тормозит, но все же медленно, миллиметр за миллиметром, приближается. Капля опускается почти к уголку губ.

И замирает.

Сергей выталкивает изо рта распухший язык, скребет им

по колючим усам. До капли остается мгновение.

Но она недосыгаема.

А через мгновение он перестает ее ощущать. Шарит языком вокруг губ. Вот же она только что была здесь. Но вот ее нет. Где она, спасительная капля.

Сергей ощущает кожей, что вокруг стало жарко, будто кто-то поместил его во включенную на полную мощность духовку. Лоб становится мокрым. Капли пота стекают по бровям, падают на ресницы. Глаза начинает щипать. Затем жечь. Он хочет смахнуть пот, но оковы не позволяют дотянуться. Жжение становится невыносимым, и он зажмуривается. Так намного легче. Не видно эти чертовы точки.

Как в детстве, не видишь ты – не видят тебя.

Но сейчас другое. Видят его. И видит он. Нет, не блестящие во мраке глаза. Наталью. Коллегу по работе, с которой у него закрутился роман. Ее голубые глаза, волнистые каштановые волосы, гладкое и нежное тело. Видит тест на беременность. Две полоски. Разъяснений не нужно, он знает. Видит разногласия. Ему эта беременность ни к чему. У него уже есть семья. А Наталья? Так, разнообразить меню. Горячая закуска. Видит больницу. И Аркашу. Врача, друга с детства.

– Все сделаем, как надо, Серега, – говорит Аркаша.

А как ему, Сергею, надо? Надо так, чтобы Наталья была у него, но, чтобы больше не было поводов для беспокойства.

– Все сделаем! – улыбается Аркаша.

Все сделали, как Аркаша обещал, как просил Сергей. Но

Наталья исчезла. Не из мира, из жизни Сергея. Не хотела Наталья аборт делать. Сергей заставил. Угрозами. Она уволилась, уехала в другой город, удалила контакты, перевернула страницу, или, быть может, еще переворачивает. Хватает пальцами за уголок страницы, а тот приподнимается, но валится неподъемным грузом обратно. А она надеется, что все наладится. Верит, что изменится жизнь, что встретит хорошего мужчину, которому она нужна будет для жизни, что родит еще ребеночка, и не одного.

Не родит.

Аркаша позаботился.

Наталья не знает еще этого, а Сергей знает. И никогда забыть не сможет. По крайней мере, пока дышит.

Сергей открывает глаза. Теперь ему понятно за что оказался здесь в темноте, в плену безумца. Но кто он, безумец этот? Отец Натальи, брат, новоиспеченный муж? Кто из них, кто узнал? С новым мужем не получилось забеременеть, пошли по врачам, а там все вскрылось?

Обманул Аркаша? Не сделал, как обещал?

Вопросы мечутся в голове Сергея, раскладываются варианты финала этого мучительного плена. А зрение потихоньку возвращается.

На потолке виднеется зеленое.

Сергей осматривается. Часы светятся. 1:27.

Рядом дыхание.

Сергей поворачивает голову. Оксана. Безмятежно спит.

Держит его руку своей.

Сергей прислушивается. Прижимается к груди Оксаны. Ее сердце стучит спокойно, как и должно у спящего человека. А его сердце колотится, бьется о грудную клетку до дрожи нутра.

Снова смотрит на лицо Оксаны и шепчет:

– Твой муж убийца.

Он нашептывает ей свое признание.

Он слышит свой шепот сквозь свое ускоренное сердцебиение, она – только шепот.